

нять свои обещания, пока его не принудили к тому новым бедствия: в Малой Азии восстали Склиры, другой род могущественных властелей; на Солунь, второй город империи, напал из западной Болгарии грозный Самуил, сын боярина Шишмана, возобновляя мечту Симсона о великоболгарском царстве; наконец сам Владимир, обманутый в своих ожиданиях, двинулся на крымские владения Византии и захватил Корсунь. Для того, чтобы вернуть Корсунь и приобрести дружбу киевского князя, император решил наконец отправить сестру в далекый варварский край и передать Владимиру столь желанные для него регалии (т. е. знаки царского достоинства), как в свое время Симсону болгарскому. С греческой царевной в Киев прислали византийские священники; Владимир с дружиной крестился, принявши христианское имя Василия в честь императора.

С тою же решительностью, как при водворении языческих богов, поступал Владимир и теперь при введении христианства. В Киеве он велел низвергнуть идол Перуна и спустить его вниз по Днепру к порогам, со строгим приказом не давать кумиру приставать к берегу. Затем он объявил по всему городу: «если не придет кто завтра к реке, будь то богатый или нищий или работник, он будет мне врагом.» На другое утро появился князь с греческим духовенством у Днепра, собрались все киевляне, взрослые с малыми детьми, вошли в воду и приняли крещение. В Новгороде Владимир поручил опрокинуть языческих богов тому же Добрыне, который насаждал раньше Перуна. Однако в то время, как в Киеве новая вера утвердилась без затруднений, так как здесь с ней были давно знакомы, в Новгороде, более далеком от сношений с Византией, язычество оказало сильное сопротивление. Исполнители княжеской воли, особенно тысяцкий (военный начальник) Путята, сурово расправлялись с мятежниками, так что у новгородцев сложилась поговорка: «Добрыня крестил огнем, а Путята мечем.»

Завершив свой союз с киевской Русью религиозной связью, Василий II справился со всеми затруднениями, угрожавшими его престолу. В борьбе с малоазийскими властями, которые составили свои громадные владения скупкой мелких участков и изгнанием крестьян из деревень, он объявил себя защитником бедных, государем-народолюбом: осуждая в приказах богатых, несправедливо наживающихся насчет неимущих, он предписал, чтобы крупные землевладельцы платили недоимки за своих соседей, бедных крестьян. Узнав, что именин властеля Филокалеса, который вышел сам из крестьянской среды, составилось путем изгнания его односельчан и уничтожения родной деревни, Василий распорядился снести господский дворец, отнять у помещика всю землю, разделить ее опять между мелкими владельцами и его самого вернуть в прежнее крестьянское звание.

Лишь укрепившись в восточной части империи, мог Василий приблизиться к главной цели своей жизни — уничтожению болгарского царства. После многих неудач в тридцатилетней борьбе,